

УДК 930.2

ЕКАТЕРИНА БРЕШКОВСКАЯ: СИБИРСКИЙ ПЕРИОД БИОГРАФИИ (ПО МАЛОИЗВЕСТНЫМ МАТЕРИАЛАМ)

Часть 1

А. А. Иванов

*Доктор исторических наук, профессор,
Иркутский государственный университет,
г. Иркутск, Россия*

EKATERINA BRESHKOVSKAYA: THE SIBERIAN PERIOD OF THE BIOGRAPHY (ON LITTLE-KNOWN MATERIALS)

Part 1

A. A. Ivanov

*Doctor of Historical Sciences, professor,
Irkutsk State University,
Irkutsk, Russia*

Summary. Article is devoted to research of little-known pages of a Siberian exile of E. K. Breshko-Breshkovskaya of the end of XIX – the beginnings of the XX century, an active narodnitsa, one of organizers of party of revolutionary socialists. «Grandmother of the Russian revolution» as contemporaries called it, carried out in Irkutsk a general governorship of 25 years, but didn't change the belief, including the imperial government responsible for all troubles of Russia. Thus she didn't accept also October revolution, emigrated from the country and finished the life in the Czech Republic in 1934, doing charity work and memoirs.

Keywords: populism; Siberian political exile; Transbaikalia; public life; Irkutsk of the end of the XIX century.

В истории революционного движения России Екатерина Константиновна Брешко-Брешковская занимает особое место. Она – активная участница «хождения в народ» 1874 года, одна из основателей и лидеров партии социалистов-революционеров, выступавшая за «крестьянский» террор. «Бабушка русской революции» – так называли её современники. «При желании, – писал о ней А. Ф. Керенский, – можно написать политическую историю России, не упоминая о Брешковской, но без неё не может уже обойтись сама история, ибо без Бабушки духовно ущербной оказалась бы современная Россия» [13, с. 393].

Несмотря на большие заслуги перед революционным движением, невероятнейшую популярность у современников, жизнь и деятельность Брешко-Брешковской в Сибири изучена слабо, и её творческое наследие (а это несколько десятков статей-воспоминаний, в которых автор, безыскусно описывая свою жизнь, поднимается до подлинно научных обобщений, размышляя об истоках противостояния государства и обще-

ства в России), практически полностью обойдено вниманием историков. В немногочисленных исследованиях 1920-х годов о Брешковской преобладали работы откровенно популистского характера [14], утверждавшие её в качестве символа революции, а после её эмиграции это имя фактически было предано забвению, вычеркнуто из нашей истории.

Интерес к знаменитой народнице был возобновлен лишь в первое десятилетие нового века – именно в этот период о ней стали появляться научно-популярные статьи, меняться стереотипы, сложившиеся в Советскую эпоху. В 2000–2010 годах были опубликованы и подлинно научные работы [19]. Хороший импульс к изучению жизни Брешко-Брешковской был сделан изданием её воспоминаний [5], правда, под совершенно надуманным и нелепым названием.

Несмотря на возросший интерес научного сообщества к творчеству Брешковской, исследований её сибирского периода (за редким исключением [16]), так и не появилось. Настоящая статья призвана, хотя бы отчасти,

восполнить этот пробел и продолжить исследование её жизни за Уральским камнем.

Как известно, Екатерина Константиновна Вериго родилась в 1844 году в семье отставного поручика, имевшего польские корни. В конце 1860-х, выйдя замуж за помещика Брешко-Брешковского, она с большим воодушевлением занималась «культурной работой» среди крестьян его имения. В 1873 году вошла в кружок чайковцев, вела пропаганду среди рабочих, «ходила в народ», принимала деятельное участие в «киевской коммуне». В сентябре 1874 года была арестована в Тульчине, содержалась в нескольких тюрьмах, затем в Петропавловской крепости, потом в январе 1878 года Особым присутствием Правительствующего Сената по «процессу 193-х» была осуждена и приговорена к пяти годам каторжных работ.

20 июля 1878 года Брешковскую и её товарищей из Литовского замка отправили в Сибирь. Политических ссыльных 1850–1870-х годов старались везти к месту каторги отдельно, в сопровождении офицера и нижних жандармских чинов. Такое движение было намного легче следования с общим этапом и, по сравнению с тюремным заключением, в котором революционеры проводили в ожидании приговора по несколько месяцев, а то и лет, напомидало всё-таки «невольное путешествие». Как вспоминал, например, Н. А. Чарушин, арестантов с процесса 193-х, следующих в Забайкальскую область на каторгу, из Петербурга в Москву отправили поездом в специальном вагоне, прицепленном к обычному товарному поезду. Их сопровождала команда жандармов, возглавляемая ротмистром. Затем в Москве осужденных перевели на другой вокзал и также в отдельном вагоне отправили до Нижнего Новгорода. В дороге «политики» пользовались относительной свободой, жандармы не стесняли их бесед и даже выполняли мелкие поручения по закупке провианта на станциях.

В Нижнем ссыльных пересадили на арестантскую баржу, в которой по Волге они добрались до Перми. Здесь

пересели на тройки и до Тюмени «мчались день и ночь, делая лишь короткие остановки для приема пищи». После Тюмени арестованных вновь погрузили на баржу и сплавили до Томска, откуда опять же, на почтовых, без длительных остановок довели до Иркутска [20, с. 9–14].

Согласно донесению Иркутского полицмейстера гражданскому губернатору «государственные преступники: Тимофей Квятковский, Николай Чарушин, Сергей Синегуб и Екатерина Брешковская», были доставлены в город 30 августа, «помещены в здешний тюремный замок в двух секретных камерах», а уже первого сентября под конвоем тех же жандармов «отправлены в Забайкальскую область на Карийскую политическую каторгу». Таким образом, весь путь от Петербурга до Иркутска ссыльные проделали меньше чем за 40 суток [8, л. 22].

Гораздо дольше и тяжелее был путь революционера, если он следовал в Сибирь этапом, вместе с партией уголовных ссыльных. Такое «путешествие» могло длиться от полугода до полутора лет и превращалось в суровое испытание, отнимая все силы, а нередко здоровье и даже жизнь. Так, например, дорога от Петербурга до Петровского Завода для ссыльных гарибальдийцев заняла почти восемь месяцев – с июля 1863 по февраль 1864 года [10, с. 262]. В. К. Дебогорий-Мокриевич проделал в 1879 году подобный изнурительный путь с арестантской партией от Киева до Тельмы за полгода [11, стб. 100]. Народнику Я. Белому в 1880 году понадобился ровно месяц только на дорогу от Красноярска до Иркутска [2, с. 109].

На Карийскую каторгу Е. К. Брешковская прибыла 17 сентября – почти через два месяца с отъезда из Петербурга. Так начался сибирский период в её биографии. Здесь – на каторге, в тюрьмах и на поселении – она провела в целом четверть века (1878 г. – Кара, 1879 г. – Баргузин, 1881 г. – Кара, 1885 г. – Селенгинск, 1892 г. – Иркутск, 1896 г. – Тобольск; 1910 г. – Нижне-Илимск, Киренск, 1913 г. – Иркутск, 1915 г. – Якутск, 1916–1917 гг. – Минусинск). Надо сказать, что суровые

испытания не сломили силу духа народоволки: и в 1878 году, и в 1917-м она была полна стремлением служить своему «народу», «вернуть ему землю», отобрав её у того класса, к которому принадлежала сама.

Карийская каторга – это несколько деревянных тюрем на реке Каре, притоке Шилки в Забайкальской области, недалеко от границы с Монголией. С 1830-х годов здесь силами уголовных ссыльных разрабатывались золотосодержащие породы, что приносило стабильный доход частным владельцам. Затем, с ростом революционного движения в стране, сюда стали ссылать и политических. С середины 1870-х, вплоть до закрытия тюрем в 1898 году, на Каре отбыли наказание не менее 300 «политиков» со всей страны [15].

Сразу скажем, режим содержания в этих тюрьмах не отличался ни жестокостью, ни даже строгостью. Как правило, политические ссыльные жили отдельно от уголовных, пользовались своей кухней, практически не носили кандалы, им разрешалось иметь своё платье и обувь, вести переписку с родными из Европейской России. Невольных работ, кроме санитарных, также не было. Как пишет Чарушин, ссыльные «ничем не стеснялись»: они свободно общались друг с другом, много гуляли, занимались самообразованием. Так как Карийская тюрьма не была приспособлена для содержания женщин, Брешковскую и супругу Квятковского поселили в помещении детского приюта, организованного политическим ссыльным А. К. Кузнецовым еще в 1870-х годах, где был сад с оранжевой и цветниками, а также мастерские для детей каторжан. «Жизнь у них, – пишет автор, – протекала безболезненно, по преимуществу в кругу своих близких людей» [20, с. 33].

Может показаться, что отсутствие каторжных работ, «вольное» содержание в тюрьме, возможность общения с родственниками и близкими делали пребывание политических преступников в сибирской ссылке таким отдохновением от тягот революционной борьбы. Конечно же, это не так: тюрьма оставалась тюрьмой,

изоляция – изоляцией. Самое страшное испытание, по признанию самих политкаторжан, несло так называемое «вынужденное общение», когда, казалось бы, пустяковые недостатки товарищей-сокамерников со временем делались все более невыносимыми и становились причиной нервных срывов, постоянных конфликтов и тяжких драм и даже суицидов.

Впрочем, первая Карийская каторга закончилась для Е. К. быстро: в общий каторжный срок ей зачли предварительное тюремное заключение и уже в 1879 году выпустили на поселение, назначив местом отбывания наказания городок Баргузин Забайкальской области.

Брешковская поступила в Баргузин в 1879 году. Здесь уже была небольшая колония ссыльных – Н. С. Тютчев, затем С. Агапов, Г. Баламез, А. Гернет, И. Горяинов, И. Л. Линева, Д. Г. Любовец, М. Морейнис, И. Окушко, А. Рожков, Л. Чернявский, К. Я. Шамарин. Как доносил местный исправник, «Екатерина Брешковская, находясь в Баргузине под гласным без срока надзором и занимаясь шитьем белья и платья, получала пособие в 72 рубля в год» [6, л. 4–8].

Как вспоминает Н. С. Тютчев, решение бежать из ссылки зародилось у него ещё до приезда в Баргузин, на этапе. Это стремление точно совпало с желанием Брешковской, «все мысли» которой были направлены на скорейшее возвращение к активной агитационной работе. Подготовка к побегу поэтому началась еще в 1879 году: была сформирована группа из четырёх человек, на краю города, подальше от праздных взоров был снят большой дом, закупились лошади и провиант, аккумулировались денежные средства.

Весной 1881 года организация «самовольной отлучки», как об этом потом напишет сама Брешковская, вступила в решающую стадию – политссыльные совершили несколько разведочных походов в окрестности Баргузина, нашли проводника из местных жителей, разработали совершенно утопичный маршрут – «пройти тайгой к истокам Амура, спуститься

вниз по реке, пробраться затем в Японию, а дальше вернуться в Россию» [18, с. 210].

Из телеграммы верхнеудинских властей в Иркутск председательствующему в Совете Главного управления Восточной Сибири можно установить день побега революционеров из города: «Девятого июня бежали Баргузина государственные преступники Николай Тютчев, Константин Шамарин, Иван Линеv, Екатерина Брешковская. Селенгинскому, Троицкосавскому и Акшинскому исправникам учредить надзор на направлении всей Китайской границы и прочим полицейским властям приказано принять все меры к розысканию преступников» [7, л. 1].

Побег вызвал настоящую панику в рядах сибирской администрации, а её действия получили жесткую оценку на самых «верхах». О серьезности положения может свидетельствовать телеграмма министра внутренних дел Иркутскому генерал-губернатору с предложением «принять самые решительные меры к розысканию скрывшихся государственных преступников» и доложить ему «для доклада Его Величеству» [7, л. 8].

История этого побега хорошо описана Н. С. Тютчевым, воспоминания о нём оставила и сама Брешковская. Бежавшие пытались пройти тайгой на юго-восток, преодолевая отвесные подъёмы и горные реки. «Приходилось идти по таким острым и крутым хребтам, – вспоминала Брешковская, – что более слабые лошади не могли держаться и, оступившись, падали, скатываясь под гору кубарем... Вьюки не давали им подняться, тогда товарищам по одному приходилось спускаться вниз, сначала развьючить коня, ставить на ноги, снова навьючить и тащить его, перепуганного и избитого, с большими усилиями к нам наверх. Скорей, скорей, вперед! Но скорость не давалась...» [4].

Через несколько дней беглецы сбились с дороги, окончательно заблудились, проводник их бросил. Они потеряли всех лошадей, запасы продуктов и, окруженные чинами полиции, мобилизовавшими местных жителей, вынуждены были, не при-

няв боя (он был бы бессмысленным), сдаться. Их привезли в Верхнеудинск и содержали в здании военной гауптвахты. Следствие о побеге закончилось в августе 1881 года: Линеv, Тютчев и Шамарин были высланы в Якутскую область, Брешковскую же решено было, наказав розгами, отправить повторно на Кару.

Трудно сказать точно, но, видимо, именно здесь, в тайге, Е. К. Брешковская и К. Я. Шамарин сблизились настолько, что предстоящая разлука пойманных беглецов была для обоих просто невыносимой. Об этой строке в биографии Екатерины Константиновны сохранилось несколько документов. Прочитываем её прошение на имя иркутского генерал-губернатора: «Ваше Высокопревосходительство, зная, что мне предстоит поселение в одной из отдаленнейших местностей Восточной Сибири, и что такая же участь предстоит товарищам моим по последнему делу: отлучки из города Баргузина, я осмеливаюсь обратиться ...с покорнейшей просьбой: назначить мне местом ссылки тот же самый город или местность, которая назначена административно-ссылному Константину Яковлеву Шамарину. Моя личная привязанность к этому человеку, в котором в настоящее время заключается вся семья моя – составляет для меня единственное утешение и единственный смысл жизни, какой еще остался в моем положении. Рассчитывая на Ваше беспристрастие и на Ваше нежелание ставить людей в безвыходное положение, я осмеливаюсь надеяться...» [7, л. 43].

И К. Я. Шамарин просит о том же: «...разрешить мне следовать в тот город, в который будет поселена госпожа Екатерина Брешковская, или назначить ей для жительства тот же город, который будет назначен мне. Моя привязанность к этой особе после всего, что было со мной и с нею, побуждает меня сознаться при настоящих обстоятельствах, что разлука с нею отнимает смысл моей жизни» [7, л. 46].

Письмо датировано 8 ноября 1881 года. Но господин генерал-губернатор «не соблаговолил» удов-

летворить просьбу, и уже 14 ноября Шамарин был отправлен в Якутскую область, а Брешковская возвращается на Кару.

Эта история имела продолжение. Отбыв срок ссылки в Якутской области, Шамарин был переведен в Селенгинск, куда после Карийской каторги была назначена и Брешковская. Здесь Шамарин работал с городским архивом, приводил в порядок и составлял описи документов. Однако в 1885 году срок ссылки Шамарина окончился, он выехал в Россию, но, как пишет Н. С. Тютчев, «недолго пожил на родине и умер от болезни сердца» [18, с. 26].

Наказывать розгами революционерку все-таки не стали – побоялись широкого резонанса, и в 1882 году Брешковская была вновь отправлена на Карийскую каторгу. Вот как она сама вспоминает об этом: «Для меня вторичный приезд на Кару был скорее праздником. В первый приезд не было женщин-каторжанок кроме меня – еще не вошло в моду ссылать в рудники и женщин. Теперь же я застала 16–18 подруг (старых и новых знакомых) и всю вторичную каторгу провела в обществе, лучшем в мире. Заводские работы считались 8 месяцев за год, и срок мой пролетел незаметно. Одно было тяжело – видеть, как более слабые здоровьем постепенно хирели и верными шагами приближались к могиле» [1, с. 7].

В 1885 году (по другим источникам в 1884-м) Брешковская вышла на поселение в маленький город Селенгинск Забайкальской области. Восемилетняя селенгинская ссылка была для неё наиболее суровым испытанием. Американский журналист и путешественник Дж. Кеннан, посетивший Брешковскую в Селенгинске в 1885 году, сумел нарисовать яркий и впечатляющий портрет Е. К.: «Это была женщина лет, наверное, тридцати пяти, с энергичным и умным, но некрасивым лицом; она держалась свободно и непринужденно, и мне показалось, что у нее доброе, пылкое и отзывчивое сердце. На лице ее лежала печать перенесенных больших страданий, а густые, темные, вью-

щиеся волосы, коротко обретенные в тюрьме на рудниках, были тронуты сединой; ...она была очень образованной женщиной, обучавшейся сперва на женских курсах у себя на родине, а затем – в Цюрихе, в Швейцарии. Она говорила по-французски, по-немецки и по-английски, была отличной музыкантшей и произвела на меня впечатление женщины привлекательной и интересной во всех отношениях...» [12, с. 89].

Дж. Кеннан был поражен силой духа революционерки, её непреклонной верой в торжество своего дела. Вернувшись в Америку, автор много сделал для привлечения общественности к проблемам политической ссылки в России – читал лекции, выступал на митингах, поддерживал материально русских революционеров-эмигрантов. Впоследствии во многом благодаря Дж. Кеннану имя Брешковской стало необычайно популярным в Северной Америке, а это, в свою очередь, помогло ей собрать значительные материальные средства для организации партии социалистов-революционеров во время эмиграции 1903–1905 гг.

Вот как описывает это время сама «бабушка»: «В 1885 г. я снова на поселении в Забайкалье в мертвом городе Селенгинске, где прожила 8 самых грустных лет в моей жизни. Голая степь, заколоченные домики и неустанная слежка полиции стали моим уделом. Мне не давали крестьянства, ни тем более паспорта по Сибири. А сердце горело страстным желанием бежать... Искала, боролась, старалась – все напрасно. Ни железной дороги, ни пароходства не было ещё. Степь Забайкалья безбрежная, степь Монголии, а на севере Байкал неприступный... Одинокая, вечно рвущаяся, выходила я в степь и громким голосом изливала в пространство тоскую по свободе сердце... Никто, решительно никто не брался помочь: все, кому можно было довериться, считали побег заранее обреченным на неудачу [1, с. 12].

Селенгинская ссылка оставила у Брешковской тягостные воспоминания не только из-за личной драмы. Здесь революционерка испытала

сильнейшее разочарование в местном крестьянине как объекте народнической пропаганды. «Тамошние крестьяне, – писала она позднее, – складом своего ума и характера настолько отличались от крестьян российских губерний, что при ближайшем с ними ознакомлении, не вызывали во мне большой охоты беседовать. ... Обилие земли и почти полное отсутствие начальства, особенно в глухих местах, выработали из восточного сибиряка настоящего «янки», индивидуалиста, занятого исключительно собственным благосостоянием» [3, с. 117].

Невосприимчивость крестьянина-сибиряка к народническим догматам о социальном равенстве заставила Брешковскую в этот период обратиться к разнообразной «культурной работе»: в Баргузине и Селенгинске она обучала местных детей грамоте, взрослых жителей – шитью и огородничеству. Кроме этого «бабушка» стала весьма успешно лечить бурят, до этого практически ничего не знавших о медицине, и пользовалась всяким случаем, чтобы пополнять, конечно же, за собственный счет, свою «аптеку». «Для каждого человека, с которым она приходила в соприкосновение, у нее находилось доброе слово, приветливая улыбка и интересная тема для беседы. Она была чрезвычайно проста в обращении и внушала к себе доверие с первой же встречи. Дети, молодежь, пожилые люди – все чувствовали себя у нее в доме так легко, как в доме родного человека», – такие несколько идиллические воспоминания оставил о «бабушке» политический ссыльный М. А. Кроль [17, с. 126–127].

В 1891 году Брешковская по царскому «всемиловитейшему» манифесту получила формальное право на приписку к одному из мещанских или крестьянских обществ Сибири. Это означало возможность уехать из Селенгинска, однако местные власти не спешили давать разрешения. Наконец, после продолжительной переписки и жалоб, 14 июня 1892 года ей был выдан паспорт «крестьянки из государственных ссыльных» Иволгинской волости Селенгинского округа Зуйского

селения, а уже 15 июля она выехала в столицу Восточной Сибири [9, л. 12].

Впереди был иркутский период ссылки.

Библиографический список

1. Бабушка Е. К. Брешко-Брешковская о самой себе. – Пг. : Артистическое заведение творчества А. Ф. Маркс, 1917.
2. Белый Я. Воспоминания ссыльного 80 годов // Каторга и ссылка. – 1923. – № 6.
3. Брешковская К. Воспоминания и думы // Социалист-революционер (Париж). – 1912. – Вып. IV.
4. Брешковская Е. К. Побег (отрывок из воспоминаний) // Дни. (Берлин). – 1924, 20 янв.
5. Брешко-Брешковская Е. Скрытые корни русской революции. Отречение великой революционерки. 1873–1920. – М. : ЗАО «Центрополиграф», 2006.
6. Государственный архив Иркутской области (ГАИО). Ф. 24. Оп. Оп. Д. 951.
7. ГАИО. Ф. 24. Оп. 3. Д. 82.
8. ГАИО. Ф. 32. Оп. 1. Д. 349.
9. ГАИО. Ф. 32. Оп. 1. Д. 3689.
10. Гулин А. С. Гарibaldiйцы на Нерчинской каторге 1863–1867 гг. // Сибирская ссылка : сб. науч. статей. – Иркутск : Отгиск, 2011. – Вып. 6 (18).
11. Дебогорий-Мокриевич В. К. Автобиография // Деятели СССР и революционного движения в России : энциклопедический словарь Гранат. – М. : Сов. энциклопедия, 1989. – Стб. 100–102.
12. Кеннан Дж. Сибирь и ссылка. Путевые заметки (1885–1886 гг.). Т. II. – СПб. : БЛИЦ, 1999.
13. Керенский А. К. К. Брешковская (некролог) // Современные записки. Т. LVI. – Париж, 1934.
14. Колосов Е. Жизненный путь Е. К. Брешковской, бабушки русской революции // Наш голос. – 1917. – № 1.
15. Константинов А. В., Мошкина З. В. Карийская каторга // Энциклопедия Забайкалья. URL: <http://encycl.chita.ru/encycl/concepts/?id=4997>.
16. Константинова Т. А. 150 лет со дня рождения Е. К. Брешко-Брешковской, политической ссыльной, отбывавшей ссылку на Карийской каторге (1834–1934) // Календарь знаменательных и памятных дат Читинской области на 1994 год. – Чита, 1994. – С. 152–158.
17. Кроль М. А. Страницы моей жизни. – М. – Иерусалим : Мосты культуры, 2008.
18. Тютчев Н. Побег из Сибири политических // Каторга и ссылка. – 1924. – № 2.
19. Фролова Е. И. Екатерина Константиновна Брешко-Брешковская // Вопросы истории. – 2004. – № 8. – С. 83–98.
20. Чарушин Н. А. О далеком прошлом на Каре. – М. : Изд-во ВОПКиС, 1929.

Bibliograficheskij spisok

1. Babushka E. K. Breshko-Breshkovskaja o samoj sebe. – Pg. : Artisticheskoe zavedenie tvorchestva A. F. Marks, 1917.
2. Belyj Ja. Vospominanija ssyl'nogo 80 godov // Katorga i ssylka. – 1923. – № 6.
3. Breshkovskaja K. Vospominanija i dumy // Socialist-revoljucioner (Parizh). – 1912. – Vyp. IV.
4. Breshkovskaja E. K. Pobeg (otryvok iz vospominanij) // Dni. (Berlin). – 1924, 20 janv.
5. Breshko-Breshkovskaja E. Skrytye korni ruskoj revoljucii. Otrechenie velikoj revoljucionerki. 1873–1920. – M. : ZAO «Centropoligraf», 2006.
6. Gosudarstvennyj arhiv Irkutskoj oblasti (GAIO). F. 24. Op. Oc. D. 951.
7. GAIO. F. 24. Op. 3. D. 82.
8. GAIO. F. 32. Op. 1. D. 349.
9. GAIO. F. 32. Op. 1. D. 3689.
10. Gulin A. S. Garibaldijcy na Nerchinskoj katorge 1863–1867 gg. // Sibirskaja ssylka : sb. nauch. statej. – Irkutsk : Ottisk, 2011. – Vyp. 6 (18).
11. Debogorij-Mokrievich V. K. Avtobiografija // Dejateli SSSR i revoljucionnogo dvizhenija v Rossii : jenciklopedicheskij slovar Granat. – M. : Sov. jenciklopedija, 1989. – Stb. 100–102.
12. Kennan Dzh. Sibir i ssylka. Putevye zametki (1885–1886 gg.). T. II. – SPb. : BLIC, 1999.
13. Kerenskij A. K. K. Breshkovskaja (nekrolog) // Sovremennye zapiski. T. LVI. – Parizh, 1934.
14. Kolosov E. Zhiznennyj put E. K. Breshkovskoj, babushki ruskoj revoljucii // Nash golos. – 1917. – № 1.
15. Konstantinov A. V., Moshkina Z. V. Karijskaja katorga // Jenciklopedija Zabajkaja. URL: <http://encycl.chita.ru/encycl/concepts/?id=4997>.
16. Konstantinova T. A. 150 let so dnja rozhdenija E. K. Breshko-Breshkovskoj, politicheskoi ssylnoj, otyvavshej ssylku na Karijskoj katorge (1834–1934) // Kalendar znamenatelnyh i pamjatnyh dat Chitinskoj oblasti na 1994 god. – Chita, 1994. – S. 152–158.
17. Krol M. A. Stranicy moej zhizni. – M. – Ierusalim : Mosty kultury, 2008.
18. Tjutchev N. Pobegi iz Sibiri politicheskikh // Katorga i ssylka. – 1924. – № 2.
19. Frolova E. I. Ekaterina Konstantinovna Breshko-Breshkovskaja // Voprosy istorii. – 2004. – № 8. – S. 83–98.
20. Charushin N. A. O dalekom proshlom na Kare. – M. : Izd-vo VOPKiS, 1929.

© Иванов А. А., 2015